

УДК 94(47).083
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-70-78
EDN: NBROYI

Н. В. СУРЖИКОВА

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук,
г. Екатеринбург

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ: ИМЕНА, СТАТУСЫ, ПАМЯТЬ

В основу публикации положен анализ межфондового именованного указателя военнопленных Первой мировой войны, упоминаемых в метрических книгах храмов Омского региона (1914–1920 гг.). На его материалах показано, как формализованная информация из метрических записей может интерпретироваться с точки зрения и номинативного, и статистического подходов. Подчеркивается, что в свете данного рецензируемого издания судьбы пленных иностранцев в России перестают выглядеть безальтернативными и предопределенными, а сами пленные — только лишь жертвами войны, виктимизированными объектами. Участие военнопленных в жизнедеятельности принимающих сообществ позволяет конкретизировать степень воздействия плена на институты и практики, распространенные в провинциальной России, а также увидеть в пленных иностранцах людей, чьи судьбы оказались определяющими для судеб тысяч других людей, живших вчера и живущих сегодня.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Омск, метрические книги, география плена, социокультурные и демографические статусы, поведенческие выборы, память.

Очевидно, что и региональное, и национальное измерения российского плена 1914–1922 гг. — плена, вызванного Первой мировой войной, — до сих пор остаются актуальными исследовательскими проблемами. Присущий ему полицентризм, выразившийся не только в рассеянности пленных иностранцев по бескрайним просторам страны, но и в столкновении вокруг них интересов самых различных групп и структур, предопределил тот факт, что всяческие регистры военнопленных, как общие, так и персонифицированные, быстро утратили прозрачность и убедительность. В связи с этим не только задача отыскать того или иного узника войны на территории России практически сразу стала нерешаемой, но и их более или менее адекватная статистика превратилась в проблему.

Так и не найдя баланса между общим и персональным учетом пленников, власти надеялись решить эту проблему посредством всероссийской переписи вражеских военнопленных, которая была намечена на лето 1917 г. Однако ни летом, ни осенью 1917 г. перепись в том виде, в котором она задумывалась, не состоялась. Итоги переписной кампании, по срокам совпавшей с осенними политическими потрясениями всероссийского значения, подвели уже совсем не те, кто ее проектировал и организовывал, а именно созданная большевиками Цен-

тральная коллегия о пленных и беженцах, точнее, ее Статистико-справочный отдел. Заработавшая 1 декабря 1918 г. в структуре отдела Часть по учету иностранных военнопленных по прошествии полугодия обработала 116,5 тыс. регистрационных карточек, разосланных на места Главным управлением Генерального штаба в преддверии октябрьской переписи военнопленных 1917 г. Но определенности в вопросы числа и состава пленных иностранцев это не внесло [1]. Стоит ли удивляться, что поиск пленников их родственниками затянулся после войны на долгие годы, породив к жизни целый ряд специальных иностранных миссий и комиссий [2, с. 229–247].

Исследовательский бум вокруг темы плена Первой мировой войны, случившийся в последние два десятилетия, мало что добавил к решению проблемы коллективного портрета пленных иностранцев, оказавшихся на территории России [3–6]. Следует признать, что и попытки реконструкции отдельных судеб военнопленных также не стали особенно многочисленными [7–8].

Документы, которые позволяют изучать данные аспекты темы российского плена, разрознены, а информация, которую они содержат, фрагментарна и не всегда достоверна [9]. Между тем первичные «низовые» материалы — те или иные именные

**Религиозные учреждения г. Омска, метрические книги которых
использованы в рецензируемом издании [21, с. 24–210]**

ОМСК			
1.	Богородице-Братская церковь	10.	Омская лютеранская церковь
2.	Богородице-Знаменская церковь	11.	Омский римско-католический костёл
3.	Богородице-Скорбященская госпитальная церковь	12.	Пророко-Ильинская церковь
4.	Воскресенский военный собор	13.	Свято-Николаевская церковь Атаманского хутора
5.	Всехсвятская Кладбищенская церковь	14.	Свято-Параскевиевская церковь
6.	Крестовоздвиженская церковь	15.	Свято-Троицкая церковь на железнодорожной ст. Омск
7.	Молитвенный дом Омской общины евангелических христиан-баптистов	16.	Успенский кафедральный собор
8.	Никольский казачий собор	17.	Церковь 2-го Сибирского стрелкового запасного полка
9.	Омская еврейская синагога	18.	Церковь при сельхозинституте

Таблица 2

**Религиозные учреждения Омского уезда Акмолинской области,
метрические книги которых использованы в рецензируемом издании [21, с. 24–210]**

ОМСКИЙ УЕЗД АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ			
1.	Богородице-Казанская церковь с. Черемуховского Черемуховской вол.	20.	Молитвенный дом с. Татьяновского Новоцарицинской вол.
2.	Богородице-Покровская церковь пос. Пашенная Роща Царско-Дарской вол.	21.	Свято-Вознесенская церковь с. Москаленского Москаленской вол.
3.	Богородице-Покровская церковь пос. Светиловского Светиловской вол.	22.	Свято-Николаевская церковь пос. Ачаирского Ачаирской вол.
4.	Богородице-Рождественская церковь пос. Барвенковского Барвенковской вол.	23.	Свято-Николаевская церковь пос. Степнинского Степнинской вол.
5.	Богородице-Рождественская церковь пос. Белостокского Белостокской вол.	24.	Свято-Николаевская церковь с. Загваздинского Загваздинской вол.
6.	Богородице-Рождественская церковь пос. Таврического Таврической вол.	25.	Свято-Николаевская церковь с. Максимовского Максимовской вол.
7.	Богородице-Рождественская церковь с. Бердянского Бердянской вол.	26.	Свято-Николаевская церковь с. Павловского Городищенской вол.
8.	Богородице-Рождественская церковь с. Борисовского Борисовской вол.	27.	Свято-Николаевская церковь станицы Татарской Татарской вол.
9.	Богородице-Успенская церковь с. Новоуральского Новоуральской вол.	28.	Свято-Николаевская церковь станицы Черлакской Черлакской вол.
10.	Иоанно-Богословская церковь пос. Кутузовского Борисовской вол.	29.	Свято-Николаевский молитвенный дом с. Ксеньевского Украинской вол.
11.	Князе-Владимирская церковь пос. Ново-Омского при железнодорожной ст. Омск-Пост	30.	Свято-Ольгинская церковь с. Азовского Азовской вол.
12.	Михаило-Архангельская церковь пос. Изылбашского Изылбашской вол.	31.	Свято-Пантелеймоновская церковь пос. Большой Атмас Большеатмасской вол.
13.	Михаило-Архангельская церковь пос. Усть-Заостровского Усть-Заостровской вол.	32.	Свято-Троицкая церковь с. Новоекатерининского Новоекатерининской вол.
14.	Молитвенный дом в честь Покрова Пресвятой Богородицы пос. Любомировского Любомировской вол.	33.	Свято-Троицкая церковь с. Ольгинского Ольгинской вол.
15.	Молитвенный дом в честь Успения Божьей Матери с. Кохановского Павлоградской вол.	34.	Свято-Троицкая церковь с. Украинского Украинской вол.
16.	Молитвенный дом дер. Городище Городищенской вол.	35.	Христорождественская церковь станицы Николаевской Николаевской вол.
17.	Молитвенный дом пос. Екатеринославского Екатеринославской вол.	36.	Царице-Александровская церковь с. Красная Горка Украинской вол.
18.	Молитвенный дом пос. Новобелозеровского Новобелозеровской вол.	37.	Четырехсвятская церковь ст. Исилькуль Исилькульской вол.
19.	Молитвенный дом пос. Новоцарицинского Новоцарицинской вол.		

Религиозные учреждения Тарского уезда Тобольской губернии,
метрические книги которых использованы в рецензируемом издании [21, с. 24–210]

ТАРСКИЙ УЕЗД ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ			
1.	Богородице-Казанская церковь с. Карташевского Артынской вол.	8.	Свято-Николаевская церковь с. Кондратьево Кондратьевской вол.
2.	Михаило-Архангельская церковь с. Крайчиковского Крайчиковской вол.	9.	Свято-Николаевская церковь с. Копьевского Копьевской вол.
3.	Николаевский собор г. Тара	10.	Свято-Николаевская церковь с. Логино-Хорошковского Логиновской вол.
4.	Пророко-Ильинская церковь с. Седельниковского Седельниковской вол.	11.	Свято-Николаевская церковь с. Муромцевского Муромцевской вол.
5.	Свято-Вознесенская церковь с. Москаленского Москаленской вол.	12.	Свято-Троицкая церковь с. Пустынского Пустынской вол.
6.	Свято-Николаевская церковь с. Демьяновского Демьяновской вол.	13.	Свято-Троицкая церковь с. Тевриз Тевризской вол.
7.	Свято-Николаевская церковь с. Евгашинского Евгашинской вол.	14.	Спасская церковь г. Тары

списки военнопленных (подорожные и арматурные, госпитальные и карантинные, «поцеховые» и иные рабочие, и т.д., и т.п.), а также зарплатные ведомости, извещения о смерти, архивно-следственные материалы, документы ЗАГСов и пр. [10–12] — остаются теми самыми источниками, которые дают возможность увидеть как общие черты в лицах пленных иностранцев, так и рассмотреть отдельные из них. Еще один источник, который проливает на это свет, — метрические книги, традиционно воспринимающиеся как основа для тех или иных историко-демографических изысканий.

Хорошо известные и в рамках «старой», и в рамках «новой» демографических историй [13–20], эти памятники деловой письменности в последнее время все чаще и чаще вызывают интерес не только как основа для тех или иных статистических обобщений. Особую важность в свете актуализации антропологически ориентированных исследований обретает номинативная информация метрических записей. В связи с этим выход в свет издания «Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.)» [21] следует только приветствовать. Действительно, несмотря на то что документы культовой регистрации уже использовались для изучения статусов военнопленных [22–24], данный справочник является первым самостоятельным трудом, сфокусированным на раскрытии когнитивного потенциала метрических книг как источника по истории плена.

В основу справочника легли записи метрических книг из фондов Омской духовной консистории (1818 записей), Омского римско-католического приходского костёла (1145), Омской евангелиско-лютеранской церкви (233) и синагоги Омского еврейского общества [21, с. 15]. Методом сплошного просмотра в ретроспективных документах были выявлены сведения о более чем 3,2 тыс. военнопленных: их имя и фамилия, возраст, вероисповедание, дата и характер их участия в демографическом поведении населения и социокультурных процессах, а также место их фиксации. Выстроенные по именованному принципу в унифицированную таблицу, эти данные могут показаться скудными, содержательно ограниченными, тем более что авторы-составители

сборника использовали лишь часть информации, содержащейся в записях метрических книг. Но даже то, что при этом были опущены причины смерти пленников, их этнические идентичности, а также детали, характеризующие их брачные «предпочтения», не превращает справочник в просто пофамильный список узников войны.

Прежде всего, справочник позволяет очертить те хронологические рамки, в пределах которых можно говорить об активном участии пленных иностранцев Первой мировой войны в демографических и социокультурных процессах на территории Омского Прииртышья.

Самая ранняя из обнаруженных в использованных метрических книгах записей о военнопленных оказалась датирована 11 сентября 1914 г. (запись в книге Омской лютеранской церкви о смерти 22-летнего Х. Энтериха [21, с. 205], самая поздняя — 18 июля 1921 г. (запись в книге часовни с. Лосевского Лосевской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии о рождении второго ребенка у бывшего военнопленного И. Ноги [21, с. 135]).

Второе, что демонстрирует справочник, — это особенности географии плена. Нехитрые подсчеты показывают, что записи в исследованные метрические книги бы произведены в почти 130 культово-религиозных учреждениях (табл. 1–4). 18 таких учреждений — это учреждения г. Омска, 37 — Омского уезда Акмолинской области, 57 — Тюкалинского уезда Тобольской губернии, 15 — Тарского уезда Тобольской губернии, 1 — г. Петропавловска. Даже несмотря на фондовые утраты, тем самым фиксируется, что разнообразие географии плена определялось, прежде всего, богатой географией сибирских городов, деревень, станиц, сел и поселков. Возможности оценить численность пленных иностранцев в каждом из них материалы справочника не дают, но при этом они прямо указывают на то, что, к примеру, в Тюкалинском уезде Тобольской губернии пленные оказались едва ли не повсеместно. Тем самым справочник косвенно подтверждает данные других источников, согласно которым уже в декабре 1914 г. пленных планировалось разместить в 86 населенных пунктах Тюкалинского уезда [25, л. 13–17].

**Религиозные учреждения Тюкалинского уезда Тобольской губернии,
метрические книги которых использованы в рецензируемом издании [21, с. 24–210]**

ТЮКАЛИНСКИЙ УЕЗД ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ			
1.	Алекса́ндро-Невская церковь с. Александровского Хохловской вол.	30.	Проро́ко-Ильинская церковь с. Крутинского Крутинской вол.
2.	Алекса́ндро-Невская церковь с. Валуевского Колмаковской вол.	31.	Свято-Архиповская церковь с. Новопокровского Баженовского вол.
3.	Алекса́ндро-Невская церковь с. Князевского Лебяжинской вол.	32.	Свято-Дмитриевская церковь с. Битиинского Саргатской вол.
4.	Алекса́ндро-Невская церковь с. Потанинского Куликовской вол.	33.	Свято-Елизаветинская церковь с. Утичьего Драгунской вол.
5.	Богородице-Казанская церковь с. Баженовского Баженовской вол.	34.	Свято-Ирининская церковь с. Новопокровского Серебрянской вол.
6.	Богородице-Казанская церковь с. Беловского Царицинской вол.	35.	Свято-Митрофановская церковь с. Любинского Любинской вол.
7.	Богородице-Казанская церковь с. Камышинского Камышинской вол.	36.	Свято-Михайловская церковь пос. Лорис-Меликовского Драгунской вол.
8.	Богородице-Покровская церковь с. Большемогильного Большемогильной вол.	37.	Свято-Николаевская церковь с. Кулачинского Кулачинской вол.
9.	Богородице-Покровская церковь с. Верблюжинского Любинской вол.	38.	Свято-Николаевская церковь с. Лесковского Драгунской вол.
10.	Богородице-Покровская церковь с. Воскресенского Куликовской вол.	39.	Свято-Николаевская церковь с. Лузинского Лузинской вол.
11.	Богородице-Покровская церковь с. Кабырдакского Кабырдакской вол.	40.	Свято-Николаевская церковь с. Черноозерского Карасукской вол.
12.	Богородице-Покровская церковь с. Камышинского Камышинской вол.	41.	Свято-Пантелеймоновская церковь с. Лагушинского Покровской вол.
13.	Богородице-Покровская церковь с. Нагибинского Нагибинской вол.	42.	Свято-Параскевиевская с. Большекутырлинского Кутырлинской вол.
14.	Богородице-Покровская церковь с. Новотроицкого Кулачинской вол.	43.	Свято-Пелагеевская церковь с. Царские Колодцы Корниловской вол.
15.	Богородице-Покровская церковь с. Оконешниковского Покровской вол.	44.	Свято-Преображенская церковь с. Авлы Любинской вол.
16.	Богородице-Покровская церковь с. Половинского Богословской вол.	45.	Свято-Софийская церковь с. Любинского Любинской вол.
17.	Богородице-Покровская церковь с. Сыропятского Богословской вол.	46.	Свято-Троицкая церковь г. Тюкалинск
18.	Богородице-Рождественская церковь с. Новосельского Корниловской вол.	47.	Свято-Троицкая церковь с. Андреевского Богословской вол.
19.	Иоанно-Богословская церковь с. Густафьевского (Богословского) Богословской вол.	48.	Свято-Троицкая церковь с. Кисляковского Большепесчанской вол.
20.	Князе-Михайловская церковь с. Сперановского Богословской вол.	49.	Свято-Троицкая церковь с. Крутолучинского Крутолучинской вол.
21.	Михаило-Архангельская церковь с. Большепесчанского Большепесчанской вол.	50.	Свято-Троицкая церковь с. Куртайлинского Куртайлинской вол.
22.	Михаило-Архангельская церковь с. Ингалинского Карасукской вол.	51.	Свято-Троицкая церковь с. Лузинского Лузинской вол.
23.	Михаило-Архангельская церковь с. Крестинского Крестинской вол.	52.	Свято-Троицкая церковь с. Николаевского Кулачинской вол.
24.	Михаило-Архангельская церковь с. Крупянского Крупянской вол.	53.	Свято-Троицкая церковь с. Солдатского Кабырдакской вол.
25.	Михаило-Архангельская церковь с. Куликовского Куликовской вол.	54.	Христорождественская церковь с. Астыровского Иконниковской вол.
26.	Михаило-Архангельская церковь с. Шипицыно Баженовской вол.	55.	Царице-Александровская церковь с. Богдановического Корниловской вол.
27.	Молитвенный дом пос. Боголюбовского Боголюбовской вол.	56.	Церковь с. Михайловского Преображенской вол.
28.	Петропавловская церковь с. Калачинского Калачинской вол.	57.	Часовня с. Лосевского Лосевской вол.
29.	Проро́ко-Ильинская церковь с. Красноярского Кулачинской вол.		

Материалы рецензируемого издания, таким образом, фундируют гипотезу о том, что карта российского плена задавалась не только концентрационными лагерями, но и местами и местечками, в которых пленные иностранцы использовались на тех или иных работах, и прежде всего на работах в крестьянских хозяйствах. Больше того, обработка данных справочника дает возможность предположить, какова была не только собственно география плена, но и ее динамика. Показательно, что из 154 записей за 1914 г. 153 были сделаны в метрических книгах религиозных учреждений г. Омска и всего одна за его пределами — запись в книге Свято-Дмитриевской церкви с. Битиинского Саргатской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии о том, что 24 ноября 1914 г. православный пленный Н. Ильхман стал крестным ребенка [21, с. 86].

География записей за 1915 г. в подавляющем большинстве случаев также связана с Омском, однако с начала года она становится все шире и шире. Об этом «сигнализируют» уже январские записи 1915 г.: запись в метрической книге Свято-Елизаветинской церкви с. Утичьего Драгунской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии от 1 января 1915 г. о смерти 29-летнего И. Тинко [21, с. 177] и запись в метрической книге Свято-Троицкой церкви с. Лузинского Лузинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии от 10 января 1915 г. о смерти же 34-летнего Т. Шевчука [21, с. 198]. Очевидно, что Омск, как одна из крупнейших станций Западно-Сибирской железной дороги, изначально просто не мог не стать одной из главных координат на карте сибирского плена, тогда как другие места пребывания пленных определялись в качестве таковых лишь со временем — временем, когда задача максимального вовлечения пленных в трудовые процессы стала все более и более определенной.

Что касается анализа возрастных и конфессиональных характеристик военнопленных, то метрические книги, как явствует из материалов сборника, являются для него явно не самым надежным источником. И дело даже не в том, что эти характеристики указаны не во всех записях. Как минимум две (а на самом деле больше) из оказавшихся в сборнике записей в исследованных метрических книгах — запись в книге Омской лютеранской церкви от 16 сентября 1914 г. о смерти 80-летнего К. Ауцека [21, с. 27] и запись в книге Омского римско-католического костела от 5 марта 1915 г. о смерти 15-летнего И. Гльвяка [21, с. 61] — напоминают об известной путанице, возникшей с началом Первой мировой войны на местах. Путаница эта состояла в непонимании и властями, и населением разницы между собственно военнопленными и так называемыми мирнопленными, которые высылались вглубь страны во избежание каких-либо эксцессов (шпионажа, диверсий и пр.). В связи с этим материалы рецензируемого издания не просто актуализируют проблему достоверности использованных в нем источников; они создают предпосылки для более детального анализа проблемы включенности далеких от «театра войны» сообществ в ее актуальную повестку.

Важным результатом обобщения сведений из метрических книг следует при этом признать выявление авторами-составителями справочника демографических и религиозных статусов военнопленных, а также погодной динамики таких статусов [21, с. 11]. Применительно к 1914 г. эти статусы

однотипны, почти на 100 % состоя из смертей военнопленных. Удручающая картина массовой гибели пленных иностранцев характерна и для 1915 г., что неудивительно, учитывая реалии плена, отраженные в альтернативных источниках. «...Нижние чины пленные размещены на площади быв[шей] Омской выставки в устроенных летних бараках-землянках. О порядках и правильном довольствии их при постоянных передвижениях трудно и требовать от военных властей, от которых я даже не мог узнать числа пленных. Главное внимание я обратил на бараки инвалидов и тяжелораненых, которые все от страшной жары и духоты были совершенно нагие с обнаженными ранами и др. физическими недостатками. Большинство из них без ног, рук, с оторванными челюстями, разбитыми головами и т.п. Многие из них совершенно беспомощные, одних нужно кормить лежа, так как сидя, пища вываливается через оторванную нижнюю челюсть, безрукие едят по-животному, многие просят вывести их на двор, многие не могут жевать хлеб за неимением зубов, другие, раненные в живот, не переваривают казенной пищи и т.д. Картина ужасная...», — отмечал, к примеру, уполномоченный Всероссийского попечительства о пленных славянах Г. В. Низинский в своем донесении из Омска 20 июля 1915 г. [26, л. 161].

Вместе с тем статистика смертей, зафиксированная в материалах справочника, не должна вводить в заблуждение. Тот факт, что на 3,2 тыс. записей в использованных метрических книгах порядка 1,5 тыс. приходится на записи о смертях военнопленных, вовсе не означал их почти 50 %-й смертности. Важно понимать, что в метрических книгах так или иначе отметились далеко не все пленные иностранцы, без знания общей численности которых исчислить их смертность проблематично.

Между тем в мае 1915 г. к записям о смертях военнопленных добавляются иные поводы для их упоминания в метрических книгах. Первым из таких поводов, согласно справочнику, стало крещение ребенка в Молитвенном доме пос. Любомировского Любомировской волости Омского уезда Акмолинской губернии. Крестным младенца, как свидетельствует запись о таинстве от 15 мая 1915 г., стал пленный И. Репко [21, с. 154]. С 17 мая 1915 г. метрические книги начинают фиксировать присоединение пленных иностранцев к православию, что уже в следующем, 1916 г., станет главным проявлением их адаптации в принимающем сообществе. Материалы указателя при этом позволяют заключить, что первые православные крещения военнопленных носили групповой характер. Так, 17 мая 1915 г. к православию присоединились 12 пленников, 7 июня — еще 12, 2 августа и 6 сентября — по 2, 27 сентября — 4, а 29 ноября — 27. Напрямую связанные с активной пропагандой идей братства среди пленных славян и формированием славянских подразделений в русской армии, православные крещения, согласно ретроспективному изданию, в 1915 г. коснулись 64 человек. В 1916 г. эта цифра выросла до 541 человека [21, с. 11], причем присоединения пленных к православию оставались в своем подавляющем большинстве групповыми: 1 января крестилось 2 пленника, 7 января — 31, 2 февраля — 32, 21 февраля — 45, 13 марта — 35, 27 марта — 23, 13 апреля — 41, 1 мая — 20, 30 мая — 33. 17 июня 1916 г. «Правительственный вестник» сообщил, что в Омске на тот момент насчитывалось порядка 300 военнопленных славян, перешедших

в православие, включая 140 русинов, 129 чехов, 14 поляков, 5 словаков и одного хорвата [27]. Данные справочника, подтверждая сведения «Правительственного вестника», фиксируют на начало июня 1916 г. цифру в 327 принявших православие пленников и позволяют предположить, что именно Омск давал одни из наиболее высоких показателей православных крещений пленных в России. Это подтверждают и новейшие наработки по теме [6].

Примечательно, что данные, представленные в рецензируемой книге, характеризуют присоединение к православию пленных иностранцев не просто как дань политической конъюнктуре. Став, как уже отмечено выше, проявлением их адаптации, православное крещение облегчило их путь к интеграции, которая выражалась прежде всего в браках с православными невестами. Впрочем, как справедливо отмечают авторы-составители сборника, «в некоторых случаях инославные при венчании с русскими женщинами сохраняли свою религиозную идентичность» [21, с. 12]. Так или иначе, но, согласно сведениям сборника, с 1916 г. пленные начали официально оформлять свои близкие отношения с россиянками, заключив в 1916 г. 4 брачных союза, в 1917 г. — 62, в 1918 г. — 225, в 1919 г. — 133 и в 1920 г. — 4 [21, с. 11]. Иначе говоря, порядка 13,3 % пленников, или почти каждый седьмой, отметились в исследованных метрических книгах созданием семьи, чему не помешали условия плена и, в частности, законодательный запрет контактов местного населения с иностранцами. Также приведенные выше цифры говорят за то, что ситуация делегитимации старых правовых устоев и институтов напрямую способствовала пиковым показателям брачности пленных после 1917 г.

Динамика рождений у пленных иностранцев детей в своей логике аналогична логике их брачности: наибольшее количество отцовств материалы справочника фиксируют в 1918 г. и в 1919 г. — 70 и 68 соответственно. При этом первый из отмеченных в сборнике случаев отцовства — рождение ребенка у А. Деблера, засвидетельствованное в метрической книге Крестовоздвиженской церкви г. Омска 28 апреля 1915 г., — выглядит чем-то маловероятным и, возможно, опять-таки касается не военно-, а мирнопленных [21, с. 71]. В целом же, исходя из данных сборника, можно заключить, что порядка 5 % пленных из отраженных в исследованных метрических книгах 3,2 тыс. человек стали отцами. Однако этот показатель относителен, поскольку кто-то из пленных — И. Гроуда, А. Ксенжко, И. Нога, М. Попадюк, А. Ромнович/Романовский, С. Семенович и др. — успел обзавестись в плену не одним, а двумя и даже тремя детьми [21, с. 67, 107, 135, 148, 156, 163]. Такого рода случаи предполагают наличие сразу нескольких записей об одном и том же военнопленном. И надо признать, что именно они наиболее интересны.

Действительно, выявление в метрических книгах нескольких упоминаний об одном и том же пленнике позволяет говорить о вариативности жизненных траекторий узников войны, которые задавались как внешними условиями, так и их собственными поведенческими выборами. В полной мере это демонстрирует пример военнопленного А. Дочкала. Женившийся в ноябре 1917 г., он в сентябре 1918 г. и в апреле 1919 г. потерял двух своих первых детей, но уже в июле 1919 г. снова, уже в третий раз, стал отцом [21, с. 75]. Другой пленный, А. Вайдич, вступивший в брак 27 января 1919 г., своего родившего-

ся в декабре того же года ребенка, увы, не увидел: в апреле 1919 г. А. Вайдич умер и был отпет в Богородице-Скорбященской церкви г. Омска [21, с. 43]. Военнопленный М. Попадюк отметился в метрических книгах 1916–1919 гг. целых пять раз: 2 февраля 1916 г. — православным крещением, 16 апреля 1917 г. — венчанием, 18 января 1918 г. — крещением своего ребенка, затем, 16 июля 1918 г., его отпеванием и похоронами и, наконец, 8 сентября 1919 г. снова рождением ребенка [21, с. 148]. Пленный же И. Шпендель, судя по всему, сам жениться и обзаводиться детьми не спешил, зато только в 1918 г. он как минимум трижды — в мае, июне и августе — выступил поручителем при венчании других [21, с. 201]. А Л. Лесев также трижды — в декабре 1915 г., мае и июне 1917 г. — стал крестным [21, с. 113].

Очевидно, что через призму систематизированных в рецензируемом издании данных судьбы пленных перестают выглядеть безальтернативными и предопределенными, а сами пленные — только лишь жертвами войны, виктимизированными объектами. Еще точнее, наверное, будет сказать, что зафиксированная в метрических книгах включенность пленных в матримониальные и репродуктивные процессы, а также связанные с ними церемониалы (крестины, венчания, похороны и т.д.), свидетельствует о стремлении всех их участников к возвращению «нормальности, к восстановлению привычного, но утраченного системой социальных таксономий баланса» [28, с. 138], к обычной жизни обычных мужчин и обычных женщин с обычными, понятными всем радостями и горестями.

В заключение хочется отметить, что авторы-составители рецензируемого издания явно поскромничали, не обозначив общего количества обработанных ими архивных дел и их листажа, которые не могут не впечатлять. Также остается только сожалеть о том, что часть информации из этих дел не вошла в рецензируемое издание. Вместе с тем важно подчеркнуть, что в перспективе оно могло бы стать основой для создания аналогичных изданий в других регионах, в конечном итоге позволив сформировать базу данных о военнопленных Первой мировой войны в России, — базу данных, которая позволит сохранить память об этих людях не только как о временных, где-то случайных и явно незваных гостях.

Такая база данных позволит многим россиянам и не-россиянам понять, что плен из истории «своих» и «чужих» неизбежно трансформировался в общую историю, а судьбы пленных могли оказаться определяющими для судеб тысяч других людей, живших вчера и живущих сегодня.

Библиографический список

1. Суржикова Н. В. Перепись военнопленных Первой мировой войны в России: причины, условия, итоги (по материалам Пермской губернии) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 23–27.
2. Ди Микеле А. Меж двух мундиров. Итальянские подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / пер. и науч. ред. М. Г. Талалая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 286 с.
3. Валитов А. А., Сулимов В. С., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Коллективный портрет военнопленных Первой мировой войны (по материалам Тобольской губернии) // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–6. С. 1326–1330. EDN: TFDWIN.

4. Карабин А. Ю. Вопрос взятия в плен, размещения и учета немецких и австро-венгерских военнопленных на украинских территориях в годы Первой мировой войны // *Грани*. 2019. Т. 22, № 9-10. С. 15–28. DOI: 10.15421/171987. EDN: NTRAMH.
5. Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // *Вестник Пермского университета. История*. 2011. № 3 (17). С. 57–64. EDN: OKVCSGB.
6. Сушко А. В., Петин Д. И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2021. Вып. 103. С. 78–98. DOI: 10.15382/sturI2021103.78-98. EDN: PLLUWY.
7. Суржикова Н. В. Биография плена и плен биографии. История немецкого сапожника Фридриха Гофмана // *Родина*. 2015. № 11. С. 120–122. EDN: UMSRYN.
8. Сушко А. В., Петин Д. И. Русин в эпоху социальных катаклизмов в России (пример судьбы Григория Мокрого) // *Русин*. 2022. № 69. С. 164–178. DOI: 10.17223/18572685/69/9. EDN: UIVINU.
9. Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 423 с.
10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1–44 об.
11. ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 65–66.
12. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 56–58 об.
13. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги: время собирать камни // *Отечественные архивы*. 1996. № 4. С. 15–28.
14. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги: время собирать камни // *Отечественные архивы*. 1996. № 5. С. 26–39.
15. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII–начала XX в. Москва: Изд-во РГГУ, 2006. 385 с.
16. Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII–начале XX в.). Барнаул: АлтГУ, 2013. 114 с.
17. Елпатьевский А. В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // *Актовое источниковедение: сборник статей*. Москва: Наука, 1979. С. 55–84.
18. Метрические книги мусульман г. Твери 1905–1918 гг. / пер. со старотатарского, авт. статей и сост. Ф. Б. Батыргарей. Тверь: Заповедник Времени, 2019. 152 с.
19. Миненко Н. А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII–первой половины XIX вв. (по материалам Западной Сибири) // *Источниковедение и археография Сибири*. Новосибирск: Наука, СО, 1977. С. 41–58.
20. Палли Х. Э. Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // *История СССР*. 1982. № 1. С. 87–93.
21. Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.): науч.-справ. изд. / Авт. предисл., отв. сост. и науч. ред. Д. И. Петин; сост.: Н. А. Аксенова [и др.]. Омск: Амфора, 2023. 216 с.
22. Ануфриев А. В., Козлов Д. В. Метрические книги как источник по истории пребывания военнопленных в Сибири (1914–1920) // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления советской власти в Сибири*. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 10–13.
23. Мотревич В. П. Смертность военнопленных Первой мировой войны в г. Тобольске, Надеждинском и Ревдинском рабочих поселках Пермской губернии (по данным метрических книг) // *Церковь. Богословие. История: материалы VI Всерос. науч.-богослов. конф., посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников*. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 289–294.
24. Чапыгин И. В., Ануфриев А. В. Первичный статистико-цифровой анализ метрических книг сибирских военнопленных (1914–1920 гг.) // *Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства: сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. форума*. Ставрополь: Секвойя, 2020. С. 723–727.
25. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 38. Д. 190. Л. 13–17.
26. Российский государственный исторический архив. Ф. 465. Оп. 1. Д. 32.
27. Переход в православие военнопленных // *Правительственный вестник (Петроград)*. 1916. 17 июня.
28. Суржикова Н. В. «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...»: плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 гг. // *Родина*. 2014. № 8. С. 137–138.

СУРЖИКОВА Наталья Викторовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая Лабораторией междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.
SPIN-код: 1740-1126
AuthorID (РИНЦ): 644816
ORCID: 0000-0002-2308-8805
AuthorID (SCOPUS): 49964686900
ResearcherID: Q-8162-2016
Адрес для переписки: snvplus@mail.ru

Для цитирования

Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны в Омском Прииртышье: имена, статусы, память // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 3. С. 70–78. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-70-78.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024 г.
© Н. В. Суржикова

PRISONERS OF WORLD WAR I IN THE OMSK IRTYSH REGION: NAMES, STATUSES, MEMORY

The publication does not simply review the inter-fonds name index of prisoners of World War I mentioned in the metric books of churches in the Omsk region (1914–1920). It is shown how formalized information from metric records can be interpreted from the point of view of both nominative and statistical approaches. It is emphasized that in the light of the data of the reviewed publication, the fate of captured foreigners in Russia ceases to look like non-alternative and predetermined, and the prisoners themselves — only victims of war, victimized objects. The participation of prisoners of war in the life of host communities allows specifying the degree of impact of captivity on the institutions and practices common in provincial Russia, as well as considering captured foreigners as people whose destinies turned out to be decisive for the destinies of thousands of other people who lived yesterday and live today.

Keywords: World War I, prisoners of war, metric books, geography of captivity, sociocultural and demographic statuses, behavioral choices, memory.

References

1. Surzhikova N. V. Perepis' voyennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v Rossii: prichiny, usloviya, itogi (po materialam Permskoy gubernii) [Prisoners of World War I census in Russia: causes, conditions, results (on the materials of the Perm province)] // Gumanitarnyye nauki v Sibiri. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2014. No. 3. P. 23–27. (In Russ.).
2. Di Mikele A. Mezhdvukh mundirov. Italoyazychnyye poddannyye Avstro-Vengerskoy imperii na Pervoy mirovoy voyne i v russkom plenu [Between two uniforms. Italian-speaking subjects of the Austro-Hungarian Empire in the First World War and in Russian captivity] // transl. and scientific ed. by M. G. Talalay. Saint Petersburg, 2022, 286 p. (In Russ.).
3. Valitov A. A., Sulimov V. S., Tomilov I. S., Fedotova D. Yu. Kollektivnyy portret voyennoplennykh Pervoy mirovoy voyny (po materialam Tobol'skoy gubernii) [A Collective Portrait of the Prisoners of War the First World War According (To the Materials of the Tobolsk Province)] // Fundamental'nyye issledovaniya. *Fundamental Research*. 2014. No. 12–6. P. 1326–1330. EDN: TFDWIH. (In Russ.).
4. Karabin A. Yu. Vopros vzyatiya v plen, razmeshcheniya i ucheta nemetskikh i avstro-vengerskikh voyennoplennykh na ukrainskikh territoriyakh v gody Pervoy mirovoy voyny [Issue of Taking Prisoners, Placement and Registration of German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Ukrainian Territories During the First World War] // Grani. *Edges*. 2019. Issue 22, no. 9–10. P. 15–28. DOI: 10.15421/171987. EDN: NTRAMH. (In Russ.).
5. Surzhikova N. V. Voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na Urale. K rekonstruktsii kollektivnogo portreta [The First World War prisoners in the Ural. On reconstruction of collective portrait] // Vestnik Permskogo universiteta. *Istoriya. Perm University Herald. History*. 2011. No. 3 (17). P. 57–64. EDN: OKBCGB. (In Russ.).
6. Sushko A. V., Petin D. I. Protsess obrashcheniya v pravoslaviye voyennoplennykh slavyan v Omske (1915–1917 gg.) [Conversion into orthodoxy of slavonic prisoners of war in Omsk (1915–1917)] // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. St. Tikhon's University Review Series II: History. History of Russian Orthodox Church*. 2021. Issue 103. P. 78–98. DOI: 10.15382/sturII2021103.78-98. EDN: PLLUWY. (In Russ.).
7. Surzhikova N. V. Biografiya plena i plen biografii. Istoriya nemetskogo sapozhnika Fridrikha Gofmana [Biography of captivity and captivity of biography. The story of a German shoemaker Friedrich Hoffmann] // Rodina. *Motherland*. 2015. No. 11. P. 120–122. EDN: UMSRYN. (In Russ.).
8. Sushko A. V., Petin D. I. Rusin v epokhu sotsial'nykh kataklizmov v Rossii (primer sud'by Grigoriya Mokrogo) [A Rusin in the era social cataclysms in Russia (a case study of Grigoriy Mokriy)] // Rusin. *Rusin*. 2022. No. 69. P. 164–178. DOI: 10.17223/18572685/69/9. EDN: UIVIHU. (In Russ.).
9. Surzhikova N. V. Voyenny plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.) [Military captivity in the Russian periphery (1914–1922)]. Moscow, 2014, 423 p. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region (SASR)]. File: 47/1/1192. (In Russ.).
11. GASO [SASR]. File: 434/1/246. (In Russ.).
12. GASO [SASR]. File: 72/1/5556. (In Russ.).
13. Antonov D. N., Antonova I. A. Metricheskiye knigi: vremya sobirat' kamni [Metric books: time to gather stones] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 1996. No. 4. P. 15–28. (In Russ.).
14. Antonov D. N., Antonova I. A. Metricheskiye knigi: vremya sobirat' kamni [Metric books: time to gather stones] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 1996. No. 5. P. 26–39. (In Russ.).
15. Antonov D. N., Antonova I. A. Metricheskiye knigi Rossii XVIII–nachala XX v. [Russia's metric books of the 18th–early 20th century]. Moscow, 2006. 385 p. (In Russ.).
16. Vladimirov V. N., Sarafanov D. E. Informatsionnyye tekhnologii v izuchenii metricheskikh knig (naseleniye Barnaula

v kontse XVIII – nachale XX v.). [Information technologies in the study of metric books (the population of Barnaul in the late 18th – early 20th centuries)]. Barnaul, 2013, 114 p. (In Russ.).

17. Elpatyevskiy A. V. K istorii dokumentirovaniya aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Rossii i SSSR (s XVIII v. po nastoyashcheye vremya) [On the history of documenting acts of civil status in Russia and the USSR (from the 18th century to the present)] // *Aktovoye istochnikovedeniye. Acts Source Study*. Moscow, 1979. P. 55–84. (In Russ.).

18. Metricheskiye knigi musul'man g. Tveri 1905–1918 gg. [Metric books of muslims in Tver of 1905–1918] / transl. from Old Tatar, author. articles and comp. F. B. Batyrgarey. Tver, 2019, 152 p. (In Russ.).

19. Minenko N. A. Massovyeye istochniki po demografii krest'yanskogo dvora XVIII – pervoy poloviny XIX vv. (po materialam Zapadnoy Sibiri) [Mass sources on the demography of the peasant household of the 18th – first half of the 19th centuries (based on materials from Western Siberia)] // *Istochnikovedeniye i arkhografiya Sibiri. Source Study and Archeography of Siberia*. Novosibirsk, 1977. P. 41–58. (In Russ.).

20. Palli Kh. E. Metodika ispol'zovaniya metrik v istoriko-demograficheskikh issledovaniyakh [Methodology for using metrics in historical and demographic studies] // *Istoriya SSSR. History of the USSR*. 1982. No. 1. P. 87–93. (In Russ.).

21. *Voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny: mezhdondovyy imennoy ukazatel' k metricheskim knigam kharov Omskogo regiona (1914–1920 gg.)* [Prisoners of war of the First World War: inter-stock name index to the metric books of churches in the Omsk region (1914–1920)] / Rep. comp., ed. D. I. Petin; comp.: N. A. Aksenova, M. S. Genneberg, D. I. Petin [et al.]. Omsk, 2023. 216 p. (In Russ.).

22. Anufriyev A. V., Kozlov D. V. Metricheskiye knigi kak istochnik po istorii prebyvaniya voyennoplennykh v Sibiri (1914–1920) [Metric books as a source on the history of prisoners of war in Siberia (1914–1920)] // *Grazhdanskaya vojna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyeye. Civil War in Eastern Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2019. P. 10–13. (In Russ.).

23. Motrevich V. P. Smertnost' voyennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v g. Tobol'ske, Nadezhdinskom i Revdinskom rabochikh poselkakh Permskoy gubernii (po dannym metricheskih knig) [Mortality of prisoners of World War I in Tobolsk, Nadezhdinsky and Revdinsky workers' settlements of the Perm province (according to metric books)] // *Tserkov'.*

Bogosloviye. Istoriya. Church. Theology. History. Ekaterinburg, 2018. P. 289–294. (In Russ.).

24. Chapygin I. V., Anufriyev A. V. Pervichnyy statistiko-tsifrovoy analiz metricheskih knig sibirskikh voyennoplennykh (1914–1920 gg.) [Primary statistical and digital analysis of metric records of Siberian prisoners of war (1914–1920)] // *Rossiya, Evropa, Aziya. Russia, Europe, Asia*. Stavropol, 2020. P. 723–727. (In Russ.).

25. Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske [State Archive in Tobolsk]. File: I-152/38/190. (In Russ.).

26. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. File: 465/1/32. (In Russ.).

27. Perekhod v pravoslaviye voyennoplennykh [Conversion to Orthodoxy of prisoners of war] // *Pravitel'stvennyy vestnik (Petrograd). Government Bulletin (Petrograd)*. 1916. June 17. (In Russ.).

28. Surzhikova N. V. «Teper' za muzhey poshli v modu avstriytsy...»: plen, lyubov' i moral' v rossiyskoy provintsii 1914–1917 gg. [«Nowadays, Instead of Husbands Austrians Are Coming in Fashion...»: Captivity, Love and Morality in the Russian Province of 1914–1917] // *Rodina. Motherland*. 2014. No. 8. P. 137–138. (In Russ.).

SURZHIKOVA Natalya Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of Laboratory of Interdisciplinary Humanitarian Research, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
SPIN-code: 1740-1126
AuthorID (RSCI): 644816
ORCID: 0000-0002-2308-8805
AuthorID (SCOPUS): 49964686900
ResearcherID: Q-8162-2016
Correspondence address: snvplus@mail.ru

For citations

Surzhikova N. V. Prisoners of World War I in the Omsk Irtysh region: names, statuses, memory // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 3. P. 70–78. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-70-78.

Received April 27, 2024.

© N. V. Surzhikova